

К ВОПРОСУ О РАЗЛИЧИЯХ В ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА «ДИСКУРС»

В соответствии с описанием языка М.А. Халлидеем как одновременно реализующего три основные функции (или аспекты значения) – межличностную, содержательную и текстуальную – выявляются различные взгляды на понятие «дискурс»: дискурс как социальное действие и взаимодействие в реальных социальных ситуациях; дискурс как социальный конструкт реальности, форма знания; дискурс как связный текст. Язык действует как система коммуникации через обмен значениями. Обмен составляет основную единицу дискурса, так как языковая интеракция является совместной деятельностью.

Рассматривая теорию языка как часть всеобщей теории социального взаимодействия, М.А. Халлидей полагает, что язык следует рассматривать как нечто большее, нежели набор предложений, а именно как текст или дискурс – обмен значениями в межличностных контекстах. По мнению М.А. Халлидея, креативность языка проявляется именно в условиях этого обмена (Halliday 1978). М.А. Халлидей предлагает описание языка как одновременно реализующего три основные функции (или аспекты значения): межличностную (как сообщение выражает социальные взаимоотношения между собеседниками в данной социальной ситуации), содержательную (выражение содержания или эмпирический аспект значения) и текстуальную (которая реализует значение через структуру и организацию самого сообщения) (ibid.). В соответствии с указанным описанием языка можно говорить о трех основных интерпретациях понятия «дискурс»: дискурс как социальное действие и взаимодействие в реальных социальных ситуациях (Sinclair, Coulthard 1975); дискурс как социальный конструкт реальности, форма знания (Fairclough 1995); дискурс как связный текст (van Dijk 1985; Brown, Yule 1983; Nunan 1993). Рассмотрим каждую из указанных концепций в отдельности.

Термин «дискурсивный анализ» впервые был использован в 1952 году З. Харрисом в качестве наименования «метода для анализа связной устной (или письменной) речи» (Harris 1952: 1) и для «установления соотношения между ‘культурой’ и языком» (ibid.: 2). Хотя последующие модели дискурсивного анализа нельзя рассматривать как прямое развитие модели З. Харриса, в которой он отстаивал применение дистрибутивного и трансформационного методов анализа, тем не менее, интересы ученых в этой сфере исследования те же, что и у Харриса. Внимание ученых сосредоточено на речевых последовательностях, а общность интересов проявляется в особой чувствительности к социальному контексту.

Дискурсивный анализ главным образом ассоциируется с именами Д. Синклера, М. Култхарда и других членов группы, занимающимися исследованием английского языка в Бирмингемском университете. Бирмингемская модель дискурсивного анализа была разработана на основе исследовательского проекта «The English Used by Teachers and Pupils», целью которого являлось изучение лингвистических аспектов взаимодействия «учитель – ученик» (Sinclair, Coulthard 1975: 1). По замыслу исследователей этот проект рассматривался как методологическая основа для разработки модели анализа разговора, поскольку обычный разговор оказался формой устного дискурса, наиболее сложной и наименее подверженной действию правил регулирования. В классе, с учителем во главе, занятым обучением при помощи «беседы и мела», все аспекты естественного разговора сведены к минимуму, речь соответствует определенным моделям, учитель контролирует беседу единолично, и попытки к общению являются искренними, с небольшой и легко устранимой долей неясности. Однако при этом цель исследователей состояла в том, чтобы определить лингвистические аспекты структуры учебного дискурса, а не педагогические (ibid.: 19).

Описательная система, к которой стремились исследователи, должна была быть функциональной и должна была ответить на вопросы о том, имеет ли целью высказывание вызвать ответ, быть само по себе ответом, обозначать границу в дискурсе и т. д. Модель описания «система рангов», используемая вследствие ее гибкости (ibid.: 20-21), позволила описать структуру учебного дискурса следующим образом. Наивысшей единицей учебного дискурса, состоящей из одной или более трансакций, является урок. Трансакции, в свою очередь, представляют собой этапы урока. О переходе от одного этапа к другому сигнализируют такие слова, как «right», «well», «good», «now», часто встречающиеся в речи всех учителей и получившие наименование

фреймов. За фреймами следуют высказывания, функция которых состоит в том, чтобы сказать классу о том, что будет происходить далее. Эти утверждения являются метаутверждениями о дискурсе и были маркированы как фокус. Таким образом, эти пограничные элементы, фрейм и фокус, явились первыми позитивными данными о существовании единицы, меньшей, чем урок. Трансакции, в свою очередь, состоят из обменов. Структура обменов выражена в терминах ходов. Обычный обмен в классе состоит из введения (В) учителя, за которым следует ответ (О) ученика, и далее – обратная связь (ОС) со стороны учителя на ответ ученика. Ходы также структурированы, т. к. они состоят из актов. Акты определяются в терминах функций, которые они выполняют в структуре хода, то есть в терминах того, какие следующие акты они предсказывают, *а также в терминах того, что на самом деле следует за ними*. Таким образом, описание направлено как вперед, так и назад, то есть оно является как **перспективным**, так и **ретроспективным**. Акты не определяются вне ситуации, и акт, который вначале можно было бы маркировать одним способом, может быть интерпретирован иначе, как другой тип под влиянием акта, следующего за ним. Этот способ описания, по существу, основан на данных, которые доступны, и поэтому нет необходимости строить гипотезу об интенциях участников интеракции. Последние представлены в лингвистических данных и в контексте ситуации дискурса. Важность ситуации и понимания этого участниками интеракции проявляется также в структуре дискурса, поэтому традиционная проблема отсутствия одно-однозначного соответствия между формой предложения и его функцией, стоящая перед грамматистами, может быть решена посредством соотнесения предложения с параметрами ситуации. Так, например, вопросительное предложение «What are you laughing at?» обычно интерпретируется учениками как приказ прекратить смеяться (или выговор по поводу смеха) согласно конвенциям, принятым в классе относительно того, как вести себя на уроке. Итак, акт – это единица дискурса, которая характеризуется в соответствии с ее функцией в дискурсе, т. е. является интеракционным актом.

Хотя основные исходные теоретические положения, лежащие в основе первоначальной модели, остались без изменения, некоторые видоизменения были внесены в саму модель исследователями, применяющими основную мо-

дель к другим типам дискурса. Так, например, структура обмена учебной модели, состоящая из трех частей (В-О-ОС), была заменена структурой в терминах инициального, поддерживающего и оспаривающего ходов (Burton 1981). В модели Д. Бэртона инициальный ход – это первое высказывание обмена; поддерживающий ход – это ход, который оправдывает ожидания инициального хода; оспаривающий ход – это ход, который не оправдывает ожидания инициального хода; ход, связанный с инициальным ходом (a Bound-opening move), – это ход, который развивает тему как только она была обозначена, посредством добавления детали; повторно инициальный ход (a Reopening move) совершается, когда говорящий снова заявляет о теме, несмотря на то, что другой говорящий подвергнул ее сомнению. Эта модель с большим успехом применяется при анализе драматических текстов (Burton 1980).

Итак, цель аналитиков, использующих Бирмингемскую модель дискурсного анализа, которая по существу опирается на лингвистику и находится под влиянием работы М. Халлидея, состояла в том, чтобы предоставить анализ полного лингвистического содержания данной социальной ситуации. Любой дискурс создается в определенной социальной среде. На современном этапе развития в работах по социологии и социальной психологии широко используется понятие социального института, который относится к образованиям, охватывающим большие массы людей. Он устанавливает порядок правил и стандартизированных моделей. Практически любая совместная деятельность является институционально обусловленной: наука, религия, школа, семья и т. п. рассматриваются исследователями как социальные институты. При этом степень социальной заданности общения будет колебаться от достаточно низкой до очень высокой, до почти полного подчинения форм и содержания общения неким социальным требованиям. Применительно к дискурсу социальные институты играют консервативную роль, формируют требования к использованию языка, следят за его использованием. Следовательно, институциональная обусловленность (институциональность) является, по всей видимости, отличительной чертой любого дискурса (Гавриленко 2003: 121). Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Он выделяется на основании двух системообразу-

ющих признаков: цели и ролей участников общения. Цель политического дискурса – завоевание и удержание власти, педагогического дискурса – социализация нового члена общества, медицинского дискурса – оказание квалифицированной помощи больному и т. д. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Например, это учитель и ученик, врач и пациент, политик и избиратель, священник и прихожанин (Карасик 2000: 10-11).

В соответствии с содержательной (ideational) функцией языка дискурс рассматривается как сложное когнитивное явление, а именно как категория (медицинский дискурс, политический дискурс и т. д.) (Fairclough 1995). Дискурс как категория представляет собой понятие, наиболее близкое понятию *функциональный стиль*. Как отмечает В.Ю. Голубев, дискурс – это языковые средства, используемые при представлении любой конкретной социальной деятельности с определенной точки зрения. Дискурсы относятся к знанию и его конструированию. Например, социальная деятельность под названием *политика* по-разному представлена в либеральном, социалистическом и марксистском политических дискурсах, в то время как *болезнь* и *здоровье* получают различное толкование в традиционном (аллопатическом) и нетрадиционном (гомеопатическом) медицинских дискурсах (Голубев 2000: 68).

Дискурс как категория получил наименование транзакционального (взаимодействующего) дискурса в теории дискурсного анализа. Согласно Д. Нунену, дискурсы подразделяются на транзакциональные (взаимодействующие) и межличностные типы в терминах той коммуникативной работы, которую они выполняют. В транзакциональном дискурсе участники интересуются обменом товаров и услуг. В межличностном – говорящие больше интересуются общением, чем обменом товаров и услуг (Nunan 1993: 18). Два глобальных отличия между типами дискурса связаны также с качеством и количеством вежливости. Транзакциональные типы дискурса сосредоточивают внимание на оптимально эффективной передаче информации (Brown, Yule 1983) и ориентированы на выполнение задачи. В разговорном поведении, которое соответствует требованиям транзакционального дискурса, таким образом, тщательно соблюдается принцип кооперации. Интерак-

циональный дискурс, напротив, имеет в качестве своей основной цели установление и сохранение социальных взаимоотношений. В интеракциональном дискурсе соответственно принцип кооперации замещается принципом вежливости для того, чтобы учитывать потребности участников.

Согласно аналитикам текста, дискурс или связный текст создается отношениями сцепления (когезии) внутри предложений и за их пределами – т. е. посредством использования языковых средств связности. Ученые не пытаются объяснить, как понимают тексты, а лишь интересуются языковыми ресурсами, имеющимися в английском языке, для указания на взаимоотношения в пределах текста. Выделяют следующие типы связности, выраженные эксплицитно на уровне поверхностной структуры: конъюнктивные отношения (союзы, союзные наречия и т. д.), общая референция (анафорические, катафорические отношения), субституция, эллипсис, повтор языковых форм, лексические взаимоотношения (например, *flowers – tulips*), отношения сравнения (например, *that – this*) (Crystal 1987: 119).

Идея, что элементы связного дискурса объединены на основе принципов связности текстуального единства, является основополагающей для работ в этой сфере исследования. Однако не каждый связный дискурс является осмысленным. Языковые средства связности не создают связный текст, поскольку связность текста находится на более глубинном уровне. Можно сказать, что в основе структуры дискурса лежат семантические отношения, которые способны соединять пропозиции вместе. Следовательно, дискурс – это не просто набор предложений, а упорядоченная последовательность пропозиций в дискурсе, на которую накладываются ограничения правил значимости; их содержание, т. е. их концептуальные значения, и референция также подвержены действию определенных принципов или правил (van Dijk 1985: 108). Понятие грамматики должно быть расширено, чтобы не только относиться к связности в пределах предложений (локальная связность), но и к связности в пределах дискурса (глобальная связность). Например, Т.А. ван Дейк предлагает включить в грамматику «прагматический компонент» с правилами, соотносящими пары «предложение – контекст» с интерпретациями на глобальном уровне семантического описания или «макроструктуры», поскольку

прагматический компонент дает возможность выявить и описать связность дискурса (Ibid.: 115–117). Иными словами, помимо средств связности должна быть объединяющая тема или уровень репрезентации, на котором значение каждого предложения определяет значение дискурса как целого. Тема может быть представлена как пропозиция, которая следует из упорядоченной последовательности пропозиций, выраженной последовательностью предложений в тексте. Пропозициональное содержание высказывания только частично определяется его языковыми свойствами: реальная интерпретация, произведенная слушающими, зависит от неязыковых или контекстуальных знаний, которые они используют. Предположительно выбор контекста слушающими, а следовательно, их интерпретация, ограничены требованием, чтобы каждая пропозиция, которая была выведена, являлась релевантной для темы дискурса. Проблема в том, что установление самой темы дискурса зависит от способности слушающего определить пропозицию, лежащую в основе каждого предложения текста. Т.А. ван Дейк вводит понятие макроструктуры, глобального утверждения о контексте текста (van Dijk 1972). Дискурсы, таким образом, отличаются тем, что для них характерно общее значение или макроструктура, которая определяет тему дискурса как целого. Такая макроструктура часто может быть выражена названиями, заголовками или начальными тематическими или заключительными, обобщающими предложениями. «Без семантической макроструктуры, даже фрагментарной, нет всеобщей связности, а следовательно, нет смысла в дискурсе» (Ibid.: 131). Итак, в анализе текста понятие общих моделей или макроструктур очень важно, т. к. именно макроструктура придает осмысленность тексту. Наиболее типичной моделью дискурса или макроструктурой является модель «Решение проблемы». Многие тексты можно рассматривать как соответствующие модели: Ситуация – Проблема – Ответ – Оценка / Результат. Тексты также могут иметь общую модель «Вопрос – Ответ», например, в интервью. Эти модели являются одной из черт, которые отличают тексты от не-текстов. Они очень важны в процессе понимания текста, т. к. определяют связность дискурса на более глубинном, семантическом уровне. Таким образом, смысловая связность (coherence) текста существует на более глубинном уровне, чем средства связности в языке (the

cohesive devices). В основе текста лежат семантические отношения, которые обладают связующей силой. Некоторые из наиболее общих отношений можно классифицировать в терминах причинно-следственных, временных отношений, отношений логического следования или противопоставления и т. д. (The Linguistics Encyclopedia 1991: 465).

Однако не все лингвисты согласны в отношении источника этого единства. ИмPLICITных, семантических отношений между пропозициями явно недостаточно, чтобы объяснить связность дискурса. Такая связность зависит от способности пользователей языка опознавать функциональную роль, которую играют различные высказывания в рамках дискурса. Связность в дискурсе достигается через восприятие функций, выполняемых каждым высказыванием. Это создает возможность для слушающего выявить полное пропозициональное значение каждого высказывания. Следовательно, чтобы понять устный или письменный дискурс, необходимо одновременно выявить как пропозициональное значение высказывания, так и функциональное намерение говорящего или пишущего (Nunan 1993: 64). Теорию речевых актов можно рассматривать в этой связи как подход к дискурсивному анализу, поскольку она предоставляет способ объединения единиц с опознаваемыми коммуникативными функциями в речь.

Итак, в ориентированном на связность описании интерпретации высказываний роль контекста сводится к установлению отношений связности. Анализ связного текста предполагает исследование структуры текста и процесс понимания текста, его интерпретации. На современном этапе развития теории дискурсивного анализа лингвисты разработали модель устного дискурса, в основе которой лежат основные теоретические положения теории анализа разговора, в частности положение о связности ситуативной речи. В соответствии с последним речью рассматривается как ситуативное действие, которое определяется только в контексте. Разные уровни контекстуальной информации – фоновые знания о говорящем, знание о том, что произошло только что во время обмена высказываниями, – играют более решающую роль в осознании высказывания как действия, нежели набор статичных, общеизвестных предусловий, на которых обычно сосредоточивают свое внимание теоретики речевых актов. О необходимости выхода за пределы теории речевых ак-

тов пишет У. Эдмондсон, рассматривающий структуру устного дискурса с позиций теории социальной интеракции (Edmondson 1981), а также Д. Блейкмор, исследующая организацию дискурса в терминах внутренней контекстуальности (Blakemore 1988). Кроме того, наши социальные и культурные знания предоставляют интерпретирующий контекст, который позволяет нам выявить факторы, объясняющие связность, лежащую в основе разговора, – и это еще одна причина, позволяющая рассматривать разговор как внутренне контекстуальный (Schiffrin 1988: 263).

Итак, различные взгляды на понятие «дискурс» выявляются в соответствии с описанием языка М.А. Халлидеем как одновременно реализующего три основные функции (или аспекты значения): межличностную, содержательную и текстуальную. Язык приводится в действие как система коммуникации через обмен значениями. Обмен составляет основную единицу дискурса, так как языковая интеракция является совместной деятельностью.

Аналитики дискурса, используя нисходящую стратегию (top-down), начинают исследование с широко определенной категории, такой, как сфера знаний (наука, политика), социальная ситуация (пол, класс) или коммуникативный жанр (поэзия, шутка), и в дальнейшем исследуют диапазон языковых свойств, которые можно найти в пределах каждой из этих категорий. Несмотря на различия в понимании термина «дискурс», во всех указанных трактовках наблюдается общая тенденция: язык рассматривается как динамичное, социальное, интерактивное явление, а именно как обмен мыслями и идеями между говорящим и слушающим или между писателем и читателем. Дискурсу в целом присущи такие характеристики, как интерактивность, институциональность и внутренняя контекстуальность. Дискурсный анализ соответственно представляет собой эффективный подход к исследованию художественных диалогов, так как диалоги, рассматриваемые в рамках этого подхода, выступают как процессы создания / восприятия речи в социокультурном контексте.

Список использованной литературы:

1. Halliday, M.A.K. *Language as Social Semiotic*. London, 1978.
2. Sinclair, J.M., Coulthard, M. *Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils*.– London: Oxford University Press, 1975.
3. Fairclough, N. *Media Discourse*. Bristol, 1995.
4. van Dijk, T.A. *Semantic Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis*. Vol. 2: Dimensions of Discourse / Ed. by T.A. van Dijk. L., 1985, p. 103-136.
5. Brown, G., Yule, G. *Discourse analysis*. Cambridge, 1983.
6. Nunan, D. *Introducing Discourse Analysis*. L., 1993.
7. Harris, Z.S. *Discourse analysis // Language*, 1952, Vol. 28, pp. 1-30.
8. Burton, D. *Analysing spoken discourse // Studies in Discourse Analysis/M.Coulthard & M. Montgomery (eds)*, London: Routledge & Kegan Paul, 1981, pp. 61-81.
9. Burton, D. *Dialogue and Discourse*. London: Routledge & Kegan Paul, 1980.
10. Гавриленко Н.Н. Анализ социокультурных факторов при переводе научных и технических текстов (с французского языка на русский) // Россия и Запад: диалог культур. 9-я международная конференция 28-30 ноября 2002 г. / Отв. ред. А.В. Павловская. Выпуск 10. М., 2003, с. 119-129.
11. Карасик В.И. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина*. Волгоград: Перемена, 2000, с. 5-19.
12. Голубев В.Ю. К вопросу о переводе научного термина // *Университетское переводоведение*. Вып. 1. Материалы I Всероссийской научной конференции «Федоровские чтения». Санкт-Петербург, 2000.
13. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge, 1987.
14. Dijk, T.A. van. *Some Aspects of Text Grammars*. The Hague, Mouton, 1972.
15. *The Linguistics Encyclopedia/ Ed. By K. Malmkjar; J.M. Anderson*.– London, New York: Routledge, 1991.
16. Edmondson, W. *Spoken Discourse: A Model for Analysis*. London, New York, 1981.
17. Blakemore, D. *The Organization of Discourse // Linguistics: The Cambridge Survey*. vol. 4. Cambridge, 1988.
18. Schiffrin, D. *Conversation Analysis // Linguistics: The Cambridge Survey*. Vol. 4. Cambridge, 1988.